

Мартин Банья (Аргентина)

Краткий обзор изучения истории России в Аргентине

На протяжении почти ста лет в Аргентине наблюдается постоянный интерес к изучению истории России. Первоначально этим больше занимались любители, исследовавшие этические и политические аспекты темы. Позднее в результате изменения международной обстановки и упорядочения научной жизни в Аргентине после возврата к демократии в 1983 г. появились новые возможности специализироваться на изучении этой области на профессиональном уровне.

Ключевые слова: история России, Аргентина, русские за рубежом, изучение России за границей.

Настоящая работа представляет собой краткий обзор изучения истории России в Аргентине, где в течение почти ста лет существует интерес к этой теме, свидетельством чего являются статьи в специальных журналах, книги, поездки ученых, а в последнее время также дипломные работы и докторские диссертации, посвященные России. На протяжении этого периода количество работ возрастало, а их качество улучшалось. Впрочем, и возможностей для исследования данной темы расширились. Сегодня в Аргентине интерес к русской истории постоянно возрастает. Откуда он возник? В каком направлении развивались работы по данной теме? А главное, каковы цели и в чем сегодня состоит смысл изучения в Аргентине истории России? В данной статье мы попытаемся ответить на эти вопросы.

ПЕРВЫЕ РАБОТЫ: МЕЖДУ ПОИСКОМ КОРНЕЙ И РАССКАЗАМИ О ПУТЕШЕСТВИЯХ С НАЧАЛА XX В. И ДО РАСПАДА СССР

Первые труды по истории России появились в Аргентине в 20-е годы XX в. С этого момента время от времени стали публиковаться работы аргентинских авторов о русской истории. Возникновение интереса к России в то время объясняется в основном двумя причинами — русской эмиграцией в Аргентину и революцией 1917 г. В конце XIX и начале XX вв., а также после

Мартин Банья — преподаватель истории Университета Буэнос-Айреса (martinbana@yahoo.com.ar).

Второй мировой войны Аргентина приняла значительное количество европейских эмигрантов, которые в большинстве случаев приезжали в поисках лучших условий жизни. Русские не являлись самой многочисленной группой эмигрантов, но значительная их часть селилась здесь, преимущественно в прибрежной зоне. Некоторым пришлось рассказывать принимавшим их общинам и проживавшим там соотечественникам, уже не владевшим русским языком, о местах, откуда они приехали, и это побуждало их писать заметки о российской истории.

Что касается революции, то событие такого масштаба не могло остаться без внимания аргентинских интеллектуалов, политиков и властей, стремившихся лучше понять это явление, которое потрясло весь мир и оказало решающее влияние на мировую историю XX в. Поэтому неудивительно, что в большинстве написанных в Аргентине книг по русской истории рассказывалось об эпохе царизма и революционных событиях. (Интерес к России сохранялся и несколько десятилетий спустя, но он был обусловлен уже другими причинами — Второй мировой войной и «холодной войной».) Тогда внимание сосредотачивалось в основном на революции 1917 г. и истории СССР. Аргентинской публике стремились объяснить, почему отсталая страна царизма за несколько лет превратилась в быстро развивающуюся республику Советов, которая победила нацизм и которую стали бояться США и весь «западный мир» (куда относил себя и Аргентина).

Однако те, кто писал у нас о русской истории, не являлись, как мы сейчас говорим, профессиональными историками, а во многих случаях вообще не имели никакого отношения к исторической науке. Большинство из них были простыми «любителями», которые в свободное время и по различным причинам писали о России. Дипломаты, издававшие свои воспоминания после завершения миссии, писатели, журналисты, члены левых политических партий, посетившие СССР и затем опубликовавшие путевые заметки, представители общественных организаций, которые хотели оставить наказ будущим поколениям, — все они внесли вклад в изучение истории России. Как и следовало ожидать, эти работы изобилуют рассказами о личных встречах и информацией, которую невозможно проверить, в них явно чувствуется пристрастное отношение автора. Почти полное незнание русского, удаленность страны, отсутствие доступа к первоисточникам и скудная библиография на испанском языке вынуждали авторов основываться только на собственном опыте, впечатлениях и ранее прочитанных работах на других языках.

Так в исторической литературе появились работы путешественников и эмигрантов, затрагивающие такие важные темы, как история России во времена царизма, русская революция, Вторая мировая война и развитие СССР. Наибольшее внимание авторов привлекали революция и последующее развитие Советского Союза. С русской революцией аргентинских читателей знакомили интеллектуалы и дипломаты. Среди них много путешественников, рассказы которых были «одним из наиболее важных источников информации в 1920-е и в 1930-х годах»¹, в то время как сообщения в газетах и журналах были, по большей части, невнятными и противоречивыми. Большой интерес к СССР объяснялся тем, что «для слаборазвитых стран, какой была тогда Аргентина, советское общество продолжало оставаться привлекательным как своей рационалистичностью, системой плани-

рования, индустриализацией, активным использованием науки и техники, так и ориентацией на построение общества возможностей, счастья и социального равенства»². Своими воспоминаниями в печати делились, как правило, журналисты и писатели. Члены политических партий делали это редко, поскольку в большинстве случаев они ездили в СССР нелегально и с определенным партийным заданием.

Рассказы пронизаны ощущением чего-то неизвестного, впечатлениями от пребывания в совершенно новой среде. Поэтому в них много упоминаний о том, что читателям уже может быть известно из других источников, — произведений великих русских писателей, таких, как Достоевский или Чехов. Эта тенденция особенно заметна в работах писателей и журналистов, например, в книгах Элиаса Кастельнуово «Я видел Россию»³ и «Советская Россия»⁴ и Альфредо Варелы «Аргентинский журналист в Советском Союзе»⁵. В основном авторы стремятся дать увиденному нравственную оценку и создать позитивный образ СССР, далекий от острой критики, содержащейся в известной работе современного им французского писателя Андре Жида⁶.

В случае с членами политических партий положение было иным. Как отмечает Сильвия Саитта, свои впечатления опубликовали немногие из них, а те, кто это сделал, например, Родольфо Гиольди или Анибал Понсе⁷, стремились «подтвердить сложившееся у них ранее мнение», и в ходе поездки они с энтузиазмом удостоверились в реальном существовании модели общества социального равенства⁸. В их работах мы встречаем описание явлений, о которых путешественник-партиец уже знал заранее. Его путешествие — это констатация того факта, что модель общества, которую он хотел увидеть, претворяется в жизнь. Его повествование направлено на создание у аргентинских читателей идеалистического представления о Советской России.

Другую группу письменных источников того времени составляют публикации авторов, не симпатизировавших Октябрьской революции или внимание которых привлекали военные или геостратегические аспекты. К первым относится ранняя работа ряда членов Аргентинской патриотической лиги (*Liga Patriótica Argentina, LPA*)⁹ «Максимализм в России», опубликованная в 1919 г.¹⁰. Обеспокоенная ростом социального протеста в Аргентине, эта группировка выпустила свой памфлет с целью дискредитировать левые политические партии и напугать остальное население возможными последствиями. Ко второй группе относятся работы некоторых офицеров, которых интересовали геостратегические вопросы или система учебной подготовки (многие из них были преподавателями Военной школы). Так, в 1938 г. появилась работа Эрнесто Фантини Пертине «Россия глазами военного»¹¹, а несколько позднее — книга Альберто Фалерони «От России до Вьетнама: большая советско-китайская стратегия»¹², опубликованная издательством «*Círculo Militar*». Это же издательство, выпустившее в Аргентине большинство изданий на военную тематику, опубликовало в 1963 г. книгу «Кампания против Советской России: 1941—1946 гг.»¹³. В этих книгах начинает прослеживаться интерес к итогам Второй мировой войны и формированию биполярного мира, в котором СССР находился на «противоположном полюсе».

Работы эмигрантов появлялись нерегулярно и были достаточно неоднородными. В основном они отражали политические идеи авторов примени-

тельно к новой аргентинской среде или рассказывали о деятельности клубов эмигрантской общины, количество которых со второй половины XX в. возросло. Сюда относятся ежегодные альманахи, отдельные статьи¹⁴, книга Ивана Окунцова «Русская эмиграция в Северной и Южной Америке»¹⁵. Некоторые политические эмигранты, например, Павел Шостаковский, пытались внести вклад в исследование прошлого российской культуры, однако его книга не вызвала большого интереса за рубежом¹⁶. Таким образом, первые появившиеся в Аргентине исследования о прошлом России были тесно связаны с необходимостью понять — по возможности через личный опыт — русскую революцию и модель развития СССР. Воодушевляемые возникшим интересом писатели, дипломаты и военные, каждый по своим причинам, начали объяснять какой была революция и в каком направлении идет СССР. Переселенцы и некоторые эмигранты также стремились внести свой вклад, однако они затрагивали не только революцию, но и дореволюционное прошлое, и их собственная судьба была им ближе. Все эти труды объединяет увлеченность авторов и недостаточная достоверность. Они написаны непрофессиональными историками и во многих случаях их опубликование преследовало откровенно пропагандистские, нравственные или воспитательные цели. Поэтому первые вышедшие в Аргентине работы, посвященные российской истории, скорее затрудняли понимание исторических проблем России, чем способствовали ему.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ЗНАНИЙ О РОССИИ В АРГЕНТИНЕ

Более серьезные публикации стали появляться одновременно с реорганизацией аргентинской научной жизни в 1983 г. После нескольких десятилетий военных переворотов и неблагоприятной политики в отношении науки, когда закрывались университеты и увольнялись сотни преподавателей и ученых, возврат к демократии в 1983 г. вызвал оживление и упорядочение университетской жизни и высшего научного органа страны — Национального совета научных и технических исследований (CONICET). Международная обстановка тех лет побуждала к углубленному изучению российской истории: усиление «холодной войны» в середине 80-х годов и последующий распад СССР в 1991 г. заставили аргентинских исследователей продолжить внимательное рассмотрение исторического опыта России для понимания уже глобализованного мира.

К процессу подключился факультет философии и литературы Университета Буэнос-Айреса, один из крупнейших в стране центров общественных наук и гуманитарных исследований. В результате значительно изменились его учебные программы, в том числе по исторической специальности. Изменения в мировой историографии и международной обстановке, а также появление новых дисциплин заставили по-новому подойти к обучению студентов. Было решено создать кафедру истории России, первую (и пока единственную) во всех вузах страны и одну из немногих в Латинской Америке. Деятельность этой кафедры стала настоящим локомотивом в деле научного изучения в Аргентине истории России, уже почти 15 лет проводятся оригинальные исследования, и активность сотрудников с каждым годом возрастает.

Но попытки строго научного изучения делались еще до появления этой кафедры. Одними из первых в этом плане можно считать публикации доктора Альберто Фансионелли в Национальном университете Куйо в 50-х и 60-х годах. Его книги «История современной России: ожидания прогресса 1825–1917»¹⁷ и «Опыт научной библиографии о современной России»¹⁸ содержат знания, полученные им за годы учебы в Европе, они стали обязательными для изучения во многих аргентинских университетах. Позднее он выпустил свой «Исторический учебник по советологии»¹⁹. Во всех этих работах прослеживается решительное осуждение автором объекта его исследований, ведь Фансионелли был ревностным католиком и монархистом. Несмотря на попытки научного подхода к вопросу, такая позиция препятствует формированию четкого представления о России и СССР.

Деятельность кафедры развивалась медленно, но постепенно приносила плоды. Нужны были оригинальные исследования, которые внесли бы нечто новое в общие знания о предмете. Они должны были быть строго научными, чтобы их выводы можно было проверить и обсудить, и отражать не только позицию и взгляды самих авторов. Результатом стали одна дипломная работа²⁰, три готовящиеся докторские диссертации²¹, несколько книг²², опубликованные в аргентинских и зарубежных журналах статьи²³, несколько докладов на международных конгрессах и национальных и международных научных встречах, при подготовке которых использовались источники на русском языке. Кафедра также осуществляет исследовательский проект, финансируемый Университетом Буэнос-Айреса, о публикациях, сделанных представителями русской общины в Аргентине, о чем практически ничего неизвестно. Не существуют не только полного обзора многочисленных материалов на русском языке, появившихся в нашей стране в различные периоды XX в., но даже само присутствие в ней русской иммиграции почти не привлекло внимания исследователей. Насколько можно установить, иностранные ученые имели очень ограниченный доступ к работам на русском языке, вышедшим в Аргентине. С другой стороны, аргентинцы, скорее всего из-за языкового барьера, не публиковали работ на эту тему. В вышедших у нас работах почти полностью отсутствуют сведения об истории русской иммиграции и ее вкладе как в аргентинскую, так и в русскую историю. Систематические исследования данной темы никогда раньше не проводились, а сведения, появлявшиеся в изданных в Аргентине материалах на русском языке, не вызывали научного интереса. Указанный выше проект должен, помимо прочего, восполнить этот пробел и предоставить полученные результаты в распоряжение научного сообщества.

Некоторые авторы включают российскую тематику, рассматриваемую в более широком контексте, в свои работы по Восточной Европе. Такой подход практикуется в Центре высших исследований Центральной и Восточной Европы (САЕЕСО). Это некоммерческая организация, независимая от университетских центров, но среди ее членов много университетских преподавателей и исследователей, которые с 2004 г. изучают в центре интересующую их тематику. В САЕЕСО разрабатывается широкий круг вопросов, поэтому работы, посвященные России, занимают довольно скромное место. Другие ученые предпочитают работать в одиночку. Среди них Беатрис Солвейра²⁴ и Хорхе Саборидо²⁵.

Недавно был создан центр, занимающийся исследованием исключительно русской тематики. С 2009 г. при Школе гуманитарных наук Национального университета Сан-Мартин (UNSAM) работает Центр по изучению славянского и китайского мира (CEMECh). Там проводятся занятия для работающих над докторскими диссертациями, ведутся тематические исследования и готовятся материалы как для учебных заведений, так и для общественных и государственных организаций. Центр располагает специализированной библиотекой — единственной в Аргентине и одной из немногих в Латинской Америке — с большим книжным фондом на испанском и русском языках. С начала своей деятельности центр установил контакты с российскими научными институтами и исследователями. Ряд российских ученых выступали там с докладами²⁶. В настоящее время CEMECh осуществляет ряд проектов, посвященных как российской истории, так и ее связям с аргентинской историей²⁷. Выход в свет в этом году первого журнала продемонстрирует результаты работы центра и ознаменует собой появление в Аргентине издания, целиком посвященного истории России.

ЗАЧЕМ ИЗУЧАТЬ ИСТОРИЮ РОССИИ В АРГЕНТИНЕ?

Итак, каковы же цели и в чем смысл изучения в Аргентине истории России? Речь идет не только о наполнении учебных университетских планов, но и о возможности практического использования результатов исследований. Во-первых, это связано с традицией «универсального изучения». С давних пор аргентинские историки стремились проводить научный анализ исторических событий, произошедших далеко за пределами Аргентины, особенно связанных с европейской историей различных периодов. В результате появился ряд трудов, в которых делались попытки истолкования событий нашей истории в более широком, международном контексте, а также прослеживалась связь между мировой и аргентинской историей. Ранее некоторые историки занимались изучением только всеобщей истории и стремились дать свое толкование событиям, удаленным от Аргентины во времени и пространстве. Ныне появилось обширное собрание работ, помогающих понять всеобщую историю все более взаимосвязанного мира²⁸.

Вторая причина, по которой исследования России в Аргентине могут быть полезны, заключается в том, что они дают возможность изучить опыт других стран, сравнить, объяснить и сделать выводы, помогающие лучшему пониманию исторических явлений. По своему историческому развитию и положению в мировой капиталистической экономике Аргентина сходна не только с другими государствами Латинской Америки, но и с Канадой или Австралией. История этих стран изучалась у нас для лучшего понимания таких вопросов, как вхождение в мировой рынок производителей первичной продукции для экспорта или массовая европейская иммиграция²⁹. Осмысление исторического опыта России могло бы помочь лучше понять некоторые похожие проблемы, например, такие, как трудности индустриализации в слаборазвитых странах. Нам еще предстоит глубже исследовать эти вопросы с учетом опыта России.

В-третьих, полезно изучать отношения между Аргентиной и Россией, поскольку две страны связывали различные события и явления, среди ко-

торых особое место занимает русская иммиграция. Несмотря на то, что Аргентина приняла массовую европейскую иммиграцию и значительное количество русских иммигрантов, научное изучение русской иммиграции и деятельности русской общины практически не проводилось. Другими заслуживающими внимания темами являются дипломатические отношения и связи между коммунистическими партиями обеих государств. Научный анализ этих вопросов мог бы внести важный вклад в понимание истории двух стран.

Наконец, изучение российского опыта важно и в связи с главной задачей исторической науки — способствовать пониманию настоящего. Историк задает прошлому те же вопросы, что и настоящему. Настоящее обусловлено нашим пониманием прошлого, и изменение социально-политической обстановки в настоящем находит отражение в тех вопросах, которые современные историки адресуют прошлому. В том настоящем, где надежд на социальные перемены все меньше, и где проблемы маргинализации и социального отчуждения приобрели почти всеобъемлющий характер, изучение российской истории становится необходимым, поскольку именно в этой стране произошла первая в мире антикапиталистическая революция. Внимательное рассмотрение этого опыта позволяет интеллектуалам переосмыслить возможности социальных изменений. Изучение российской революции и советского опыта имеет особое значение не только для тех, кто продолжает исповедовать социалистические идеи. Как говорит аргентинский историк Эсекиэль Адамовски, «когда социальные права, завоеванные в XX в., повсеместно оттесняются на задний план, а политические свободы лишаются смысла, очень важно напоминать об осознанном выступлении людей, решивших изменить мир, даже если их действия закончились трагедией или вообще были ошибкой. Напоминание об Октябрьской революции как революции социальной, судьба которой в силу определенных исторических обстоятельств была трагической, позволяет критически осмыслить опыт прошлого, не переходя при этом на консервативные позиции. Мы можем быть только сторонними наблюдателями».

Как историки мы считаем, что нельзя занимать пассивную позицию и что понимание исторического прошлого должно способствовать социальным переменам. Возможно, именно это является главным мотивом для дальнейшего изучения в Аргентине истории России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ S.S. a í t t a. *Intelectuales argentinos en la Unión Soviética*. E.A d a m o v s k y, M.B a ñ a, P.F o n t a n a (comps.). Octubre Rojo. La Revolución rusa noventa años después. Buenos Aires, 2008, p. 82.

² Ibid, p. 82.

³ E.C a s t e l n u o v o. *Yo vi en Rusia (Impresiones de un viaje a través de la tierra de los trabajadores)*. Buenos Aires, 1932.

⁴ E.C a s t e l n u o v o. *Rusia soviética*. Buenos Aires, 1933.

⁵ A.V a r e l a. *Un periodista argentino en la Unión Soviética*. Buenos Aires, 1950.

⁶ A.G i d e. *Regreso de la URSS*. Buenos Aires, 1936.

⁷ См., например: R.G h i o l d i. *El viaje. Carta desde Moscú*. — *La Internacional*, 1921; A.P o n c e. *Notas sobre el realismo socialista*. — *Marxistas de América*, 1985.

⁸ S.S. a í t t a. *Op. cit.* p. 92.

⁹ Аргентинская патриотическая лига представляла собой военизированную группировку правого толка, созданную зажиточными слоями Буэнос-Айреса для борьбы с участниками забастовок и иностранцами. Активно участвовала в подавлении крупных забастовок 1918 и

- 1919 гг. См.: S.M c G e e D e u t s c h. Contrarrevolución en la Argentina, 1900—1932: la Liga Patriótica Argentina. Buenos Aires, 2001.
- ¹⁰ Liga Patriótica Argentina. El maximalismo en Rusia. Buenos Aires, 1919.
- ¹¹ E.F a n t i n i P e r t i n e. Rusia: estudiada por un militar. Buenos Aires, 1938.
- ¹² A.F a l e r o n i. De Rusia a Vietnam: gran estrategia soviético-china. Buenos Aires, 1969.
- ¹³ Círculo Militar. La campaña contra la Rusia soviética: 1941 a 1946. Buenos Aires, 1963.
- ¹⁴ См. например: И.А с т р а й. Русская эмиграция в Аргентине. — Русский вестник, 1951, № 1.
- ¹⁵ I.O k u n t z o v. La emigración rusa en América del Norte y del Sur. Buenos Aires, 1967.
- ¹⁶ P.S c h o s t a k o v s k y. Historia de la literatura rusa: desde los orígenes hasta nuestros días. Buenos Aires, 1945.
- ¹⁷ A.F a l c i o n e l l i. Historia de la Rusia contemporánea: las ilusiones del progreso 1825—1917. Mendoza, 1954.
- ¹⁸ A.F a n c i o n e l l i. Tentativa de bibliografía razonada de la Rusia contemporánea. Mendoza, 1961.
- ¹⁹ A.F a l c i o n e l l i. Manual histórico de soviología. Buenos Aires, 1983.
- ²⁰ P.F o n t a n a. La representación cinematográfica del proceso de colectivización soviética. Buenos Aires, 2007.
- ²¹ Речь идет о работах, посвященных интеллектуальной истории России XIX в., киноискусству XX в. и отношениям между Коммунистической партией СССР и Аргентинской коммунистической партией.
- ²² См., например: E.A d a m o v s k y. Euro-orientalism: Liberal ideology and the image of Russia in France (1740—1880). Bern, 2006; E.A d a m o v s k y. Octubre hoy: Conversaciones sobre la idea comunista a 150 años del Manifiesto y 80 de la Revolución rusa. Buenos Aires, 1998. E.A d a m o v s k y, M.B a ñ a, P.F o n t a n a (comps.). Octubre Rojo. La Revolución rusa noventa años después. Buenos Aires, 2008.
- ²³ См., например: E.A d a m o v s k y. La historia de la Revolución Rusa a 80 años de Octubre: desafíos historiográficos. — El Rodaballo, 1998, N 8, p. 27—31; E.A d a m o v s k y. Russia as a Space of Hope: Nineteenth-Century French Challenges to the Liberal Image of Russia. — European History Quarterly, 2003, N 4, p. 411—500; E.A d a m o v s k y. Russia as the Land of Communism in the Nineteenth Century? Images of Tsarist Russia as a Communist Society in France, 1840—1880. — Cahiers du monde russe, 2004, N 3—4, p. 497—520. M.B a ñ a. Modest Musorgsky frente a los desafíos de la modernidad: Boris Godunov como crítica social y política. — Revista del Instituto Superior de Música. Santa Fe, 2008, N 12, p. 128—145.
- ²⁴ B.S o l v e i r a. Las relaciones con Rusia durante las presidencias de Yrigoyen y Alvear (1916—1930). Córdoba, 1995.
- ²⁵ J.S a b o r i d o. Rusia 1917: una introducción. Buenos Aires, 1995.
- ²⁶ Некоторые имена приглашенных и темы их докладов: профессор Гавриил Городецкий — «Hitler, Stalin y la invasión alemana de Rusia» (ноябрь 2009 г.); профессор Андрей Юрганов — «El elemento religioso en la historia rusa» (ноябрь 2010 г.). В настоящее время готовится встреча аргентинских и российских историков для рассмотрения вопроса о государственном терроризме в Аргентине и СССР.
- ²⁷ Например, «La memoria comparada de acontecimientos traumáticos. El terror de Estado (Argentina—URSS)».
- ²⁸ J.B u r c u a. Significado y utilidad de una historiografía universal en la Argentina de fin de siglo. — E.A d a m o v s k y. Historia y Sentido. Exploraciones en teoría historiográfica. Buenos Aires, 2001, p. 65—70.
- ²⁹ См., например: M.R a p o p o r t. Globalización, integración e identidad nacional: análisis comparado Argentina — Canadá. Buenos Aires, 1994; D.M u c h n i k. Tres países, tres destinos: Argentina frente a Australia y Canada. Buenos Aires, 2003.

Перевод Е.МИЛЮТИНА